

Григорий Кружков

Избранные переводы

Том 1

Москва 2009

ТЕРРА **ТЕРРА**

КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

К 84

Кружков Г. М.

К 84 Избранные переводы: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. Б. Романова; Коммент. Г. Кружкова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2009. — 512 с. — (Мастера перевода).

ISBN 978-5-275-02091-5 (т. 1)

ISBN 978-5-275-02090-8

Григорий Кружков — один из крупнейших современных переводчиков поэзии, поэт, лауреат Государственной премии по литературе (2003). Среди его работ — переводы английских авторов, начиная с Шекспира и заканчивая поэтами XX века, французской, испанской поэзии, а также переводы со славянских языков. В двухтомник вошли избранные переводы Григория Кружкова.

Первый том представляет собой антологию английской поэзии пяти веков и включает переводы произведений около 80 поэтов, среди них Шекспира, Донна, Китса, Теннисона, Росетти, Хопкинса.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-275-02091-5 (т. 1)

ISBN 978-5-275-02090-8

© Б. Романов, вступительная статья, 2009

© Г. Кружков, перевод, комментарии, 2009

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2009

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС

1844–1889

ПЕСТРАЯ КРАСОТА

Славен Господь, сотворивший столько пестрых вещей:
Небо синее в пезинах белых; форелей в ручье
С розоватыми родинками вдоль спины; лошадиные масти,
Россыпь конских каштанов в траве; луг, рябой от цветов;
Поле черно-зеленое, сшитое из лоскутов;
Для работ и охот всевозможных орудья и снасти.

Все такое причудное, разное, странное, Боже ты мой! –
Все веснушато-крапчатое вперемешку и одновременно –
Плавно-быстрое, сладко-соленое, с блеском и тьмой, –
Что рождает бессменно тот, чья красота неизменна:
Славен, славен Господь.

СОКОЛ

Господу моему Иисусу Христу

Сегодня утром я заметил в вышине
Любимца утра, принца в пышно-розово-рябом камзоле:
Он, трепеща, на нитях солнечных над полем
Царил – он реял, крылья развернув, на воздуха тугой волне,
Ликуя и кружа, как конькобежец, в не-
оглядности небес! И вдруг душа моя, дотоле
Робевшая, как мышь, очнулась поневоле
И страх перед тобой превозмогла вполне.

О гордость, красота, паренье, хищный взор,
Сплотитесь! И огонь, что ветра поддувалом
В груди воспламенен, — жги, о мой командор!
Плуг в трудной целине так вспыхивает яростным
металлом.

Угль, гаснувший в золе, владеющий костер —
Нахлыньте, вспыхните и золотым и алым!

ЩЕГЛЫ ИСКРЯТ, СТРЕКОЗЫ МЕЧУТ ПЛАМЯ

Щеглы искрят, стрекозы мечут пламя;
В ущелье — камня раздается крик;
Колокола хотят, чтоб за язык
Тянули их, — зовя колоколами;

Всяк просит имени и роли в драме,
Красуясь напоказ и напрямик,
И, как разносчик или зеленщик,
Кричит: вот я! вот мой товар пред вами!

Но тот, на ком особый знак Творца,
Молчит; ему не нужно очевидца,
Чтоб быть собой; он ясен до конца:

Христос играет в нем и веселится.
И проступают вдруг черты Отца
Сквозь дни земные и людские лица.

ГАВАНЬ

(Монахиня принимает постриг)

Мои глаза глядят
В тот край, где зной не жжет,
Где не сечет лица граненный град,
Где Божий крин цветет.

Хочу уйти туда,
Где тихая лазурь
И в гавани зеленая вода
Не помнит бесов бурь.

ФОНАРЬ НА ДОРОГЕ

Бывает, ночью привлечет наш взгляд
Фонарь, проплывший по дороге мимо,
И думаешь: какого пилигрима
Обет иль долг в такую тьму манят?

Так проплывают люди — целый ряд
Волшебных лиц — безмолвной пантомимой,
Расплескивая свет неповторимый,
Пока их смерть и даль не поглотят.

Смерть или даль их поглощают. Тщетно
Я вглядываюсь в мглу и ветер. С глаз
Долой, из сердца вон. Роптать — запрещено.

Христос о них печется каждый час,
Как страж, вослед ступает незаметно —
Их друг, их выкуп, милосердный Спас.

СВЕЧА В ОКНЕ

Я вижу, проходя, свечу в окне,
Как путник — свет костра в безлюдной чаше;
И спиц кружащихся узор дрожащий
Плывет в глазах, и думается мне:

Кто и какой заботой в тишине
Так долго занят, допоздна не спящий?
Он трудится, конечно, к славе вящей
Всевышнего, с благими наравне.

Вернись к себе. Раздуй огонь усталый.
Свечу затепли в сердце. Холодна
Ночь за окном. Теперь начнем, пожалуй.

Кого учить? Кругом твоя вина.
Ужель не сохранишь ты горстки малой
Той яркой соли, что тебе дана?

МОРЕ И ЖАВОРОНОК

Вторгаются в уши два шума с обеих сторон,
Два голоса — справа, где лава морская кипит,
То с ревом штурмуя утесов прибрежных гранит,
То тихо качая луны убывающей сон, —

И слева, где с неба несется ликующий звон:
Там жаворонок, как на лебедке, взлетает в зенит
И, петлями песни с себя отрясая, гремит —
Пока, размотавшись, о землю не грянется он.

Два шума, два вечных... О пошлый, пустой городок
У края залива! Погрязнув в никчемных делах
Как можно не слышать ни волн окликанья, ни птах!

Венцы мирозданья! Над вами еще потолок
Не каплет? Сливайся, о слизь мировая, в поток,
Несущий в начальную бездну расхлябанный прах.

ВЕСНА И ОСЕНЬ

Маленькой девочке

Маргрит, оттого ль грустна ты,
Что пустеют рош палаты?
Что ложится, облетая,
Наземь — крона золотая?
Ах, с годами заскорузнет
Сердце — в нем ничто не хрустнет,
Если все леса на свете
На клочки развеет ветер:
Лишь заплачут очи эти.
И тогда тебе, малютка,
Станет вдруг не жалко — жутко.
Скорбный разум угадает,
Что за червь его снедает;
И заплачешь ты сильнее,
Маргрит, девочку, жалея.

ПРОСНУСЬ И ВИЖУ ТУ ЖЕ ТЕМНОТУ

Проснусь и вижу ту же темноту.
О, что за ночь! Какие испытанья
Ты, сердце, выдержало — и скитанья:
Когда ж рассвет? Уже не вмоготу

Ждать — снова отступившую черту.
Вся жизнь — часы, дни, годы ожидания;
Как мертвые листки, мои стенанья,
Как письма, посланные в пустоту.

На языке и в горле горечь. Боже!
Сей тленный, потный ком костей и кожи —
Сам — желчь своя, и язва, и огонь.

Скисает тесто, если кислы дрожжи;
Проклятие отверженцев все то же:
Знать лишь себя — и собственную вонь.

ПАДАЛЬ

Я не буду, Отчаянье, падаль, кормиться тобой,
Не расшатывать — сам — скреп своих, ни уныло тянуть
И стонать: *Все, сдаюсь, не могу.* Как-нибудь,
Да смогу; жизнь моя родилась не рабой.

Для чего ж ты меня тяжелой каменной давишь стопой
Без пощады? и львиную лапу мне ставишь на грудь?
И взираешь зрачком плотоядным, где жидкая муть,
И взметаешь, как прах, и кружишь в буреверти слепой?

Для чего? Чтоб отвеять мякину мою от зерна, чтоб, смирясь,
Целовал я карающий бич, пред которым дрожим,
Чтоб, смеясь, пел хвалу раб ликующий, вдавненный в грязь.

Чью хвалу? Сам не вем. Победил ли меня херувим?
Или я? или оба? — всю ночь, извиваясь, как язь,
Я, бессильный, боролся впотьмах (Бог мой!) с Богом моим.

С. 374. *Итис* – герой греческого мифа о Прокне и Филомеле. Царь Терей учинил насилие над сестрой своей жены Прокны Филомелой и, чтобы скрыть преступление, вырезал своей жертве язык. Но Филомела выткала рассказ о преступлении Терей на своей одежде. Из мести Прокна убила своего сына Итиса и его мясом накормила Терей. Зевс превратил Терей в удода, Прокну в соловья, Филомелу в ласточку. В одном из вариантов мифа наоборот – Прокну в ласточку, Филомелу в соловья; этот вариант и имеет в виду Суинберн. У него Филомела обращается к Прокне, ласточке.

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС (1844–1889)

Хопкинс учился в Оксфорде, где принял католичество и вступил в орден иезуитов. В 1877 г. посвящен в сан священника и в дальнейшем служил в разных приходах, в том числе, в беднейших трущобах Ливерпуля. С 1884 г. – профессор древних языков в Университетском колледже в Дублине. При жизни стихов не печатал и никому, за исключением одного или двух близких друзей, не показывал. Его «Стихотворения» были опубликованы лишь в 1918 г. его другом – поэтом Робертом Бриджесом. Поэзия Хопкинса – новаторская в отношении языка, синтаксиса и сложного, порой «мучительного», ритма. Радостное переживание богоприсутствия в мире сочетается в ней (особенно в поздних стихах) с сердечным надрывом и глубокой скорбью.

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН (1850–1894)

С детства был слабого здоровья; несмотря на это, много путешествовал, надеясь его укрепить. Первое же большое произведение «Остров сокровищ» (1883) принесло ему славу, которая укрепилась с опубликованием «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» (1886). Под конец жизни он поселился на Самоа, где от местных жителей получил прозвище Тузитала – рассказчик. Там он и похоронен на вершине горы (см. стихотворение «Завещание»). Автор написанных в простой лирической манере стихотворений, баллад и песен, а также знаменитого сборника «Детский цветник стихов».

С. 382. *Алисон Каннигхем* – няня Стивенсона. Ей посвящена книга «Детский цветник стихов».

С. 384. *Скай, Эйгг и Рэм* – маленькие островки на северо-западе Шотландии.